

СОЦИОЛОГИЯ

И.А. Ахмедов

ПОНЯТИЕ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Трудности определения новизны социального знания связаны с целым рядом обстоятельств. Прежде всего, приходится иметь в виду, что в социальных науках не бывает таких ярких, ошеломляющих революций, радикально изменяющих научную картину мира, какие совершаются в естествознании. Таких, например, как коперниканская революция, создание дарвинистской теории эволюции видов растений и животных, открытие электрона в структуре атома, создание квантовой механики, раскрытие генетического кода наследственности и т.п.

Новое социальное знание в отличие от естественнонаучного или технического не может объективироваться, воплощаться в материальных, предметных формах, ведущих к очевидным радикальным изменениям в общественной жизни (правда, некоторые социальные знания могут быть использованы для обоснования, точнее – оправдания революционных или радикально-реформистских идеологий, провоцирующих или вдохновляющих на глубокие изменения в общественной практике).

Социальное познание гораздо больше, чем естественнонаучное, испытывает влияние обыденного сознания или здравого смысла, что сказывается и на содержании социальных знаний, и на языке социальных наук, и на форме многих рассуждений, используемых при этом способах аргументации тех или иных положений.

Объективно оценить степень новизны тех или иных элементов социального знания по определенным проблемам могут только исследователи, хорошо знакомые с состоянием разработанности данных проблем, со всеми (по крайней мере – наиболее значительными) публикациями по ним. Достаточно высокую взыскательность к гносеологическому качеству социальных знаний с точки зрения их новизны проявляют, как правило, выдающиеся социальные исследователи, сами внесшие ценные инновации в социальные науки.

Действительно, социальные исследователи нередко выдают за «открытия» банальности и трюизмы, облакая их в наукообразную форму. Тем не менее, в истории социального познания немало совершено и подлинно научных открытий, а некоторые из них справедливо считаются революционными. Таковы, например, выработка Марксом и Энгельсом материалистического понимания истории, создание Марксом теории прибавочной стоимости, обоснование А. Смитом принципа *laissez faire*, так называемые маржинальная и кейнсианская революции в экономической теории, раскрытие М. Вебером роли протестантской этики в возникновении духа капитализма и разработка им «идеальных» типов социального действия, открытие Л. Морганом родовой организации как универсальной основы социального строя древнего общества и обоснование им исторического приоритета материнского рода, создание Й. Шумпетером теории экономического развития, З. Фрейдом – теории бессознательного и т.д.

О том, что в социальных науках действительно осуществляются некоторые открытия, создается новое знание, свидетельствуют и возникающие иногда споры о приоритете в разработках определенных теорий, введении в оборот новых понятий, использовании новых методов, приемов, средств исследования. Так, в истории статистики велась дискуссия вокруг «проблемы Петти-Граунт», связанной с выходом в свет книги «Естественные и политические наблюдения над бюллетенями смертности, имеющие отношение к управлению, религии, торговле, воздуху, болезням и другим изменениям названного города. Сочинение Джона Граунта, гражданина Лондона». Когда данная книга привлекла к себе интерес, в лондонских ученых кругах возникли разговоры, будто подлинный ее автор – сэр Уильям Петти (в настоящее

время «проблему Петти-Граунт» считают решенной – главным автором книги, ее основных статистических идей и методов считается все же Джон Граунт, хотя по своим социально-экономическим взглядам он находился под явным влиянием Петти, которому, возможно, принадлежит общий замысел работы, но ее исполнение – несомненно дело Граунта) (*Аникина А.В.*, 1993. С. 70–71). Неистовый спор относительно приоритета в создании теории правящих элит разгорался в Италии между Г. Моска и В. Парето (*Арон Р.*, 1993. С. 455, 482). Видимо, споры о приоритете в подобных случаях возникают именно потому, что речь идет о подлинных новациях в развитии социального знания.

Правда, в некоторых случаях новаторскими, «революционными» считают познавательные установки, эпистемологические сдвиги, которые вряд ли заслуживают столь высокого ранга и не могут воплощаться в широкой исследовательской практике. Так, Г.С. Кнабе пишет о «научной революции» конца XX в., смысл которой видит «в научном познании культурно-исторической жизни именно как жизни, во всей ее повседневно бытовой непосредственности, в ее текучести, непредсказуемости, капризной и неуловимой изменчивости, в бесконечности ее индивидуальных вариаций» (*Кнабе Г.С.*, 2001. С. 116).

Действительно, современное социальное познание преодолевает «культ тотальности», гипертрофированный интерес к объективным социальным структурам, отношениям, тенденциям в социальной реальности, и при этом усиливается внимание к индивидуально-неповторимому и многообразию явлений социальной повседневности.

Однако следует признать, что социальное познание перестало бы быть научным, соответствующим некоторым универсальным критериям научности, если бы, увлекшись описанием жизни в ее «капризной и неуловимой изменчивости», в бесконечных ее вариациях, с «акцентом на человеческого индивида во всем своеобразии и неповторимости его эмоционально своевольного «Я», в нем перестали бы делать широкие обобщения, относящиеся к объективным структурам, институтам, отношениям, закономерным связям и тенденциям развития в социальной реальности. Вряд ли возможно подлинно научное постижение индивидуального, особенного, изменчивого в социальной реальности, если одновременно не раскрывается общее, необходимое, относительно устойчивое, закономерное в ней.

Следует отметить, что в современную эпоху, когда резко ускоряются темпы общественного развития, происходят неожиданные изменения в различных сферах общественной жизни, усиливается тяга к самым различным новациям, в том числе и в социальном познании. Сказанное проявляется, в частности, в попытках обоснования эпистемологических, методологических ориентаций неклассического обществознания.

Суммируя симптомы парадигмального сдвига в сторону неклассической социальной методологии, Н.Н. Козлова и Н.М. Смирнова отмечают такие проявления его, как: смену облегченно-оптимистического взгляда на мир новой «непрозрачностью», когда социальный мир вновь видится заколдованным; использование методов, которые не обязательно теоретичны и могут носить нарративный характер (речь идет о микросоциологических методах, биографическом методе, кейсстадизе и др.); исследование укорененности специализированного социального знания в жизненном мире человека (вместо прежнего противопоставления этого знания здравому смыслу); отказ от стремления к предельной строгости и однозначности понятий и прояснение открытого горизонта значений понятий через изучение процесса кристаллизации значений, через исследование связей понятий, изначально данным в опыте (*Козлова Н.Н., Смирнова Н.М.*, 1995. С. 21–22).

В критике установок классического (марксистского прежде всего) обществознания, как правило, сказывается действие антикоммунистических идеологических позиций. Справедливая критика утопического проекта марксизма-ленинизма зачастую сочетается с отказом и от рационального содержания марксистской теории, в частности от экономического «фундаментализма» (разумеется, освобожденного от из-

вращений в духе вульгарного «экономического» детерминизма, «вульгарного социологизма», классового редуционизма и т.п.).

Однако научная объективность требует признания того, что и в анализе современного общества экономический «фундаментализм», творчески использованный, может быть существенным источником производства нового социального знания.

Дело в том, что в современном обществе (и в западном, вступившем в постиндустриальную стадию, и в российском, переживающем своеобразный переходный период коренной трансформации общественных отношений) наблюдаются усиление воздействия экономики на различные сферы общественной жизни, возрастание роли материальных, экономических интересов (хотя они весьма изощренно маскируются) в различных типах, формах социального поведения, в деятельности различных социальных институтов.

Нельзя не согласиться с В.А. Кутыревым, который пишет: «Капиталистическая общественно-экономическая формация переросла в формацию, истиной функционирования и идеологией которой является экономизм. Экономизм – это когда через призму рентабельности рассматривается практически все, что существует, и экономика из системообразующего фактора превращается в систему в целом...» (Кутырев В.А., 2001. С. 61).

Действительно, в современном обществе материальные, экономические интересы, мотивы поведения, соответствующие категории выгоды, прибыли, расчета, купли-продажи, рыночной цены, конкуренции, монополизма и т.п. проникают во все сферы общественной жизнедеятельности (в политику, отношения власти и управления, в законодательство, деятельность так называемых правоохранительных органов, в сферы образования, науки, культуры, массовой информации, здравоохранения, в семейно-брачные, интимные отношения, деятельность религиозных организаций и т.д.).

Разумеется, для производства нового знания нельзя ограничиваться простой ссылкой на детерминирующую роль материального, экономического фактора – необходимо раскрывать сложные механизмы воздействия данного фактора на различные неэкономические явления, институты, процессы с выявлением определенных промежуточных звеньев, а также характера взаимодействия экономического фактора с социальным, политическим, правовым, культурным, идеологическим, информационным, психологическим и др. факторами, их обратного влияния на экономические отношения, процессы.

Несомненна определенная ценность нового эпистемологического, методологического знания, связанных с ним критериев, эталонов, стандартов, идеалов научности, нормативов, требований к использованию определенных методов и методик исследования. Но реальная исследовательская практика не всегда соответствует методологическим декларациям, призывам, предписаниям. Гораздо более важное значение имеет новое предметное социальное знание, которое описывает, объясняет, предсказывает новые социальные явления, отображает изменения в социальной реальности – социальных системах, структурах, институтах, в сознании и поведении, деятельности социальных субъектов (деятелей).

Как показывает история социального познания, наиболее значительные открытия или достижения в нем схватывали коренные изменения в социальной реальности (такие например, как становление единого национального рынка, буржуазные революции, углубление общественного разделения труда, промышленный переворот, широкую индустриализацию и урбанизацию общества, укрепление институтов парламентской демократии, изменения в потребностях и ценностных ориентациях масс, утверждение духа рационализма, широкое распространение безлично-функциональных связей, бюрократизацию власти и управления, определенное ослабление систем социального контроля, появление новых форм отклоняющегося поведения и т.д.).

Именно попытки понимания, объяснения такого рода изменений в социальной реальности дали начало первым теоретическим построениям в классической полити-

ческой экономии, социальной философии, социологии, этнографии, политологии и других отраслях социального познания. Если бы не возникла рыночная экономика со значительной свободой конкуренции, передвижения товаров и денег, капитала и рабочей силы, что очевидно способствовало умножению общественного богатства, не могли бы появиться в классической политической экономии идеи «невидимой руки», «естественного порядка» (условий, при которых имеет место благотворное для общественной пользы действие своекорыстного интереса и стихийно действующих экономических законов), «экономического человека» (стремящегося максимизировать свой доход в условиях свободной конкуренции).

Если бы не усилилась эксплуатация наемного работника при значительном обнищании трудящихся масс и невиданном росте богатства у капиталистов, не появились бы теория прибавочной стоимости К. Маркса. Если бы не происходило углубления общественного разделения труда и вместе с тем изменений в нормативной структуре общества, состоянии социального контроля, вряд ли могли бы быть созданы дюркгеймовские теории разделения труда и аномии. И так далее.

Значительные возможности формирования новых научных понятий, обновления методологического арсенала социальных наук, выдвижения оригинальных концепций связаны с освоением развернувшихся в современном мире взаимно дополняющих процессов глобализации, информатизации, виртуализации социальной реальности.

При этом важно не ограничиваться лежащими на поверхности явлениями глобализации или информатизации, выражающими определенную стандартизацию образов, стилей жизни, типов и предметов потребления, нарастание каналов, потоков информации, усиление влияния средств массовой информации на массовое сознание и т.п.

Гораздо более интересным представляется исследование последствий возрастания могущества транснациональных корпораций (ТНК) в условиях глобализации, их влияния не только на глубинные процессы в масштабах как мирового хозяйства, так и отдельных национальных экономик, но и на внутреннюю политику отдельных государств, на соотношение различных политических сил в конкретных странах. Требуется исследование изменений в образовании стоимости, ценообразовании, природе и функциях денег, в функциях промышленного, торгового, финансового капитала в условиях глобализации экономики.

Заслуживает внимания переориентация современного «постиндустриального» капитализма с реальной производственной сферы на сферу финансово-спекулятивную, где сейчас добывается основная масса прибыли, при явном отрыве денежной массы от товарной, развитии семиотической сферы, оторванной от сферы реального «обозначаемого» (по экспертным оценкам, скорость приращения денежной, «знаковой» массы сегодня в 80 раз опережает скорость приращения реальной товарной массы) (Панарин А.С., 2003. С. 19).

В серьезном объективном исследовании нуждаются изменения в экономическом и политическом статусе различных классов, слоев, в формах социальной идентификации индивидов, вызванные глобализацией и информатизацией современного общества, становлением своеобразной виртуальной реальности.

Следует признать, что глобализирующийся буржуазный класс, как отмечает А.С. Панарин, «сегодня прямо требует деконструкции всех национальных богатств – перевода их в ликвидную (денежную) форму и беспрепятственного «трансфера» их через национальные границы» (Панарин А.С., 2003. С. 24). Вместе с тем этому классу с помощью массовой информации, знаково-символических форм («символического капитала») удастся отвлечь внимание трудящихся слоев от своего подлинного социального положения, лишить их необходимого социального (классового) самосознания, добываясь «реабилитации» тела и освобождения их инстинктов, раздувая их гедонистическую ориентацию, основанную на действующем в сфере бессознательного «принципе удовольствия».

На основе информатизации складывается своеобразная виртуальная реальность, суть которой в том, что отношения между людьми, социальными группами выступают как отношения между знаками, символами, образами. Информационные технологии, средства массовой информации создают «реальность», искажающую сущность действительных экономических, социально-политических, правовых, культурных, идеологических и т.д. отношений. В современном обществе умножаются различные проявления социальной имитации, бутафории, фальсификации, мимикрии, возникают новые и новые социальные подделки, суррогаты, псевдообъекты и т.п.

Поэтому весьма актуальными становятся исследования, раскрывающие противоположность мнимого, кажущегося и реального, объективно происходящего. Конечно же, социальная реальность как бы скрывала себя, выдавала себя за нечто иное, использовала различные средства социальной маскировки, бутафории и т.д. на всех этапах развития человеческой цивилизации.

Однако в современном обществе, где используются новейшие информационные технологии, такие средства стали во много раз более изощренными, эффективными. Новые проблемы, понятия, теоретические подходы, концепции в социальных науках должны быть направлены на изучение природы виртуальной реальности, выявление средств, способов формирования всего кажущегося, мнимого.

Особое значение при этом имеет использование новых или усовершенствование традиционных методов исследования, позволяющих раскрывать подлинное содержание объективных общественных отношений, структур, институтов (в частности, таких методов, как включенное наблюдение или анализ спонтанных речевых взаимодействий субъектов с использованием новейших технических средств сбора, фиксации, обработки соответствующей эмпирической информации).

Как новое знание оценивается, если оно фиксирует явления «озадачивающие», парадоксальные, необычные, странные, не укладывающиеся в традиционные представления, даже противоречащие им. Даже простое упоминание такого ряда явлений, элементарное их описание представляется и новым, и имеющим достаточную познавательную ценность.

Речь идет, например, о таких выявленных российскими исследователями за последнее время фактах, процессах, тенденциях, как: социально-психологический процесс интенсивного привыкания населения к растущей преступности, когда осознание обыденности криминала порождает безысходность и понимание бесполезности борьбы с ним, когда значительная часть людей воспринимает криминальный путь решения проблем почти нормальным (Лунев В.В., 2004. С. 7–8); «ослабление» российского государства до такой степени, что оно не только «сдало» экономику криминалу, но и *de facto* перестало выполнять свои функции по обеспечению социальной безопасности общества и, более того, на протяжении всех лет реформ превращалось из «фактора порядка» в «фактор дезорганизации» общества (Рывкина Р., Коленикова О., 2000. С. 67); институционализация теневой экономики, т.е. закрепление теневого экономического поведения (напр., «обналичивание» денег, теневой вывоз капитала) в те или иные организационно устойчивые формы, признаваемые всеми участниками данной деятельности и транслируемые следующим поколениям занятых ею субъектов, когда теневая экономика из хаотических и случайных, никак не оформленных взаимодействий экономических субъектов, чье поведение не ограничено какими-либо жесткими правилами, превращается в структурированную и самовоспроизводящуюся социальную систему с определенной внутренней организацией (Колалс Л.Я., Рывкина Р.В., 2002. С. 13); формирование своеобразного «теневого права» с превращением в значительной мере формального права в «декоративное» (Колалс Л.Я., Рывкина Р.В., 2002. С. 16); интерпретация многими россиянами неправовых трудовых практик, заведомо неправовых трудовых ситуаций как обычных «неприятностей», «бед», «жизненных проблем» (Заславская Т.И., Шабанова М.А., 2002. С. 4) и т.п.

Весьма конструктивным, способствующим творческому развитию различных социальных теорий с возможным использованием новых понятий, идеальных типов, моделей и т.д. может оказаться объяснение такого рода фактов, процессов (при объяснении указанных выше в качестве примеров фактов, тенденций можно, в частности, разработать теории правосознания и правовой культуры масс в периоды трансформации общественных отношений, внести новые положения в теории правового нигилизма, отклоняющегося поведения, спонтанно складывающегося социального порядка, социальной адаптации индивидов к неформальным отношениям, институтам, неправовым практикам, взаимоотношений права и морали в переходные периоды, социального действия права, возможных его деформаций в процессе функционирования и др.).

Приращение нового знания возможно не только через описание и объяснение необычных, странных, парадоксальных и т.п. фактов, процессов, тенденций. Производство нового знания в определенной мере достигается и через проблематизацию привычных, рутинных, встречающихся в повседневном социальном опыте явлений, процессов, их концептуализацию. На привычные массовые явления иногда удается посмотреть с неожиданной, оригинальной точки зрения, выявить у них новые свойства, игнорировавшиеся раньше факторы их проявления и развития, некоторые связи, внутренние противоречия, тенденцию развития.

Для творческой концептуализации повседневных, рутинных явлений, процессов большое значение имеет использование некоторых аналогий. К ним можно как бы примериваться с позиции нескольких специальных теорий, близких по предметным областям или характеру используемых в них понятий, типологий, моделей, схем объяснения. Продуктивное значение при этом может иметь взаимодействие конкурирующих специальных теорий с различными (даже противоположными) ценностными, идеологическими установками, когда осознается влияние этих установок на восприятие и объяснение определенных явлений, соответствующие утверждения.

В каждой социальной науке существуют традиционные проблемы, решение которых порождает положения, составляющие ядро конструируемых в них специальных теорий. Часть теоретических положений носит «универсальный» характер, то есть они применимы к самым различным социальным ситуациям, действующим там субъектам, их деятельности, регулирующим ее правилам, возникающим на ее основе структурам, институтам.

Наряду с такого рода «универсальными» (общетеоретическими, законоподобными) положениями приходится формулировать новые «ситуационные» положения, относящиеся к изменяющимся ситуациям общественной жизни, выражающие специфику действия общих закономерностей, тенденций в определенных интервалах социального пространства и времени. При этом можно охватывать новые факторы детерминации изучаемых явлений, которые начинают действовать в определенных социальных ситуациях, изменения, происходящие в функциях, механизмах функционирования изучаемых объектов, так или иначе связанные с изменениями в потребностях социальных субъектов или целостного общественного организма.

Определенные коррективы в существующие научные представления можно вносить, принимая во внимание исторический, генетический фактор, кумулируемые в содержании той или иной социальной системы (структуры) на протяжении ее эволюции необратимые, определенным образом направленные изменения.

Видимо, можно говорить о сложившихся на протяжении веков генотипах национальных социально-экономической и политической систем, духовной культуры, менталитета, которые оказывают то или иное влияние на самые различные явления современной общественной жизни.

Социальное знание можно рассматривать как целостную систему, в которой новизна, качество представлений об одном уровне или сфере реальности сказывается на качестве знания о других уровнях или сферах социальной реальности. Это отно-

сится, в частности, к знаниям о человеке (личности) и о социальных системах, институтах.

Значительные резервы производства нового знания о социальных системах, структурах, институтах связаны с выработкой новых, более адекватных представлений о человеке, о структуре личности, где взаимодействуют элементы биогенные, психогенные и социогенные, рациональные и иррациональные, сознание и бессознательное.

В каждой социальной науке, каждой теории явно или неявно используются определенный образ или модель человека, определенные представления о природе человека. «Значение любой модели человека обусловлено тем, что она является системообразующим компонентом любой исследовательской программы в рамках экономической теории... по характеристикам рабочей модели человека можно выявить и существенные черты исследовательской программы...» утверждают Л. Тулов и А. Шаститко (Тулов Л., Шаститко А., 2002. С. 46–64). Видимо, образ (модель) человека имеет особое значение для объяснения и предсказания социальных явлений, а также для ценностно-нормативного содержания различных теорий.

Как показывает история социальных наук, немало новых теоретических знаний о социальных системах, структурах в них возникало, когда в их анализе, объяснении исследователи начинали считаться с некоторыми свойствами, закономерностями сознания и поведения индивидов, с индивидуально-типологическими характеристиками людей конкретной эпохи в развитии общества или с некоторыми «антропологическими константами» в природе человека.

Не могли быть получены подлинно научные, новые социальные знания ни о социальных системах, процессах, ни о самом человеке, когда полагали, будто можно произвести желаемые, планируемые изменения в человеке, сформировать «нового человека», осуществив революционные преобразования в обществе.

Думается, что на современном этапе социального познания существует настоятельная потребность более полного учета роли различных феноменов бессознательного (и индивидуального, и коллективного, определенных его архетипов) в психике, поведении человека. Это может способствовать формированию более адекватного, реалистического образа (модели) человека. Когда анализ объективных социальных структур, институтов, процессов будет опираться на такой образ, увеличатся возможности для подлинно научных инноваций в социальных науках.

Новые социальные знания (новые теории, новые схемы или парадигмы объяснения, новые формы обоснования некоторых методов исследования и др.) нередко представляют собой антитезу или оппозицию по отношению к предшествовавшим или недавно разработанным теориям, парадигмам и т.д. Оппозиционность (противоположность) одной теории по отношению к другой часто возникает потому, что первая из них абсолютизировала роль какого-то фактора детерминации изучаемых явлений, раздувала какие-то отдельные стороны, свойства объектов, игнорируя другие факторы или свойства, что вело к односторонней ограниченности данной теории.

Новая теория, вступающая в оппозицию по отношению к первой, начинает выявлять роль этих факторов, анализировать ранее не учитывавшиеся свойства, связи объектов. Однако вполне возможно, что новая теория сама впадает в односторонность, явно пренебрегая фактором (или факторами), которые артикулировались в первой теории. Возможно, что оппозиционность первой и второй (противоположной ей) теорий фактически скрывает их взаимодополняемость. Так, теория М. Вебера о роли идеального фактора (трудовой этики протестантизма) в становлении капиталистической экономики была оппозиционной по отношению к марксовской теории о решающей роли материального фактора (способа производства) по отношению к социальной, политической и духовной жизни общества.

Однако сам Вебер признавался, что не намерен «заменить одностороннюю «материалистическую» интерпретацию каузальных связей в области культуры и истории столь же односторонней спиритуалистической каузальной интерпретацией». «Та

и другая допустимы в равной степени, ибо они одинаково мало помогают установлению исторической истины, если они служат не предварительным, а заключительным этапом исследования», – писал он (*Вебер М.*, 1990. С. 208).

Действительно, вполне возможен анализ некоторых социальных явлений на основе синтеза материальной (экономической) и идеальной (духовной, или «спиритуалистической») каузальной их интерпретации.

Вместе с тем, когда исследователь ставит задачу раскрытия идеальной (духовной) детерминации некоторых экономических, социальных, политических и др. явлений, он должен учитывать, что сам идеальный фактор в своем происхождении, развитии детерминирован объективными экономическими, социальными, политическими и другими факторами (ведь идеальный фактор не упал с неба; его невозможно выводить из других идеальных факторов, ибо он порожден прежде всего объективными экономическими, социальными, политическими и другими структурами, институтами).

Противоположными и односторонними в экономической науке оказались классическая теория стоимости и теория предельной полезности (они своеобразно отражают позиции товаропроизводителя и потребителя). Неоклассическая теория синтезировала обе теории: и трудовую (затратную), и предельной полезности (*Брагинский С.В., Певзнер Я.А.*, 1991. С. 78–79).

А. Маршалл сравнивал затраты и полезность с двумя лезвиями ножниц: «Мы могли бы с равным основанием спорить о том, регулируется ли стоимость полезностью или издержками производства, как и о том, разрезает ли кусок бумаги верхнее или нижнее лезвие ножниц» (*Маршалл А.*, 1983. С. 31–32). Считают, что синтез теории предельной полезности с классической теорией стоимости, осуществленный неоклассиками, – это не «беспринципная эклектика», а единственный путь к научной теории стоимости, освобожденной от всяческих фетишистских представлений (*Брагинский С.В., Певзнер Я.А.*, 1991. С. 78–79). Думается, что такого рода творческий синтез будет возможным и относительно некоторых других оппозиционных, или альтернативных теорий.

Как видим, новое социальное знание – это знание, описывающее, объясняющее новые социальные явления, процессы, обнаруживающее неизвестные ранее свойства, связи, факторы детерминации у некоторых традиционных объектов познания, вносящее существенные изменения в схемы, парадигмы теоретического анализа, преодолевающее односторонность, ограниченность ранее имевших место объяснений или теорий, а иногда представляющее собой творческий синтез односторонних теорий.

Если раньше можно было бы отвлечься от некоторых аспектов реальности, тех или иных объектов на ранних этапах социальной науки, то в дальнейшем становится ясным, что без охвата того или иного аспекта реальности, определенных сторон, свойств некоторых объектов почти невозможно дальнейшее производство полноценного знания.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аникин А.В.*, 1993. Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. 3-е изд. М.
Арон Р., 1993. Этапы развития социологической мысли. М.
Брагинский С.В., Певзнер Я.А., 1991. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М.
Вебер М., 1990. Избранные произведения / Пер. с немецкого. М.
Заславская Т.И., Шабанова М.А., 2002. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // СОЦИС. № 6.
Кнабе Г.С., 2001. Строгость науки и безбрежность жизни // Вопросы философии. № 8.
Козлова Н.Н. Смирнова Н.М., 1995 Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // СОЦИС. № 11.
Косалс Л.Я., Рывкина Р.В., 2002 Становление институтов теневой экономики в пост-

советской России // СОЦИС. № 10.

Кутырев В.А., 2001. Духовность, экономизм и «после»: драма взаимодействия // Вопросы философии. № 8.

Лунеев В.В., 2004. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. № 1.

Маршалл А., 1983. Принципы политической экономии. Т. II. М.

Панарин А.С., 2003. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. № 6.

Рывкина Р., Коленникова О., 2000. Дисфункция государства и ослабление социальной безопасности населения России // Вопросы экономики. № 2.

Тулов Л., Шаститко А., 2002. Экономический подход к проблемам знаний о человеке // Вопросы экономики. № 9.